

Дмитрий Кириллов

ОШИБКА ЧАРОДЕЯ

1

Геннадий резко откинулся на спинку кресла, и с нежностью посмотрел на монитор компьютера. Наконец-то получилось. Обрывки идей, что как надоедливые мухи роились бессонными ночами в его воспалённом мозгу, выстроились словно кирпичики величественного здания. Выстроились плотно, один к одному, не оставив ни одной щели, куда мог бы неожиданно заглянуть плутоватый прищуренный глаз критики. Теперь родная фирма, будто получив глоток живой воды, помчится резвым коньком к сияющим где-то за линией горизонта финансовым вершинам. Иван Иванович потечески потреплет «по холке» и уж на этот раз наверняка предложит место своего зама... Но самое главное, наконец-то они с Ниной поедут туда, где на небе солнце оранжевое, словно абрикос, а сочные недра настоящих абрикосов словно наполнены солнцем. Море там ласково, а после купания кожа покрывается тонкой корочкой соли. Геннадий даже зачмокал от удовольствия.

Тут через открытое окно донёсся мягкий шелест шин по пыльной дворовой траве. Геннадий услышал, как хлопнула дверца, и очень знакомый голос залепетал, запинаясь: «Ну не надо Толик, пусти» Процокали каблучки по асфальту, скрипнула искорёженная, некогда кодовая дверь подъезда... Его подъезда. А во дворе уже вкрадчиво шуршали шины удаляющегося автомобиля. Несчастный трудяга сидел, продолжая по инерции пялиться в экран. Бешено стучала кровь в висках, и почему-то нещадно свело левую икроножную мышцу.

Щёлкнул ключ в замке, и тот же знакомый голос произнёс: «Геночка, а ты уже дома?!»

2

Букет из девяти роз вызывающе алел в центре кухонного стола. Нина, сняв своё чёрное облегающее, изрядно декольтированное платье и облачившись в халат и клетчатый фартук, оглушительно гроыхала посудой на кухне. Сквозь звон чашек и шум воды было слышно, как она не очень

мелодично напевает что-то из репертуара Татьяны Булановой. Раньше такое посудо-помывочное рвение удивило бы Геннадия, но сейчас у него не было ни сил, ни желания удивляться. Были лишь стук в висках, боль в сведённой мышце и странная пустота внутри.

— Геночка, ты ужинать будешь? — Нина вошла в комнату, покрестьянски вытирая свои крупные белые руки краем фартука. Геннадий даже не шелохнулся. Тогда она медленно подошла к нему и мягко, но решительно обняла его сзади за шею. Поняв, что прижимает к себе бесчувственный манекен, Нина звонко чмокнула мужа в ухо горячими губами и громко зашептала:

— Что ты себе вообразил, успокойся! Ну, мы праздновали... в коллективе. Толик — брат Светы. Ну ты же знаешь Свету? У него машина, вот он и решил меня подвезти. По-дружески! А розы — вообще от профсоюза... Ну, не молчи же, маленький!

Маленьким она называла мужа не только из-за разницы в возрасте в шесть лет, но и потому, что была первой и единственной любимой женщиной в жизни талантливого двадцатичетырёхлетнего программиста Гены Смирнова. Это давало ей права, ни с чем не сравнимые. Во всяком случае, до сегодняшнего вечера. «Маленький» на сей раз будто бы оглох. Глядя перед собой невидящими глазами, он холодно освободился от объятий, прошёл на негнущихся ногах в прихожую, накинул плащ и вышел, тихо притворив за собой дверь.

3

Восемь вечера. Небо, потемнев от натуги, уже рождало первые звёзды. Луна, словно опытная круглолицая акушерка, спокойно наблюдала за протеканием родов. Смирнов тоже некоторое время смотрел на этот астрономически-медицинский спектакль, казавшийся сейчас глупым и никчемным. Затем он глубоко вздохнул и опустил взгляд чуть ниже. «Мистер Биль: бар, бильярд, игровые автоматы» — гласила неоновая вывеска. Махнув, словно крыльями, полами плаща, несчастный программист как гигантский мотылёк бросился к ярко освещённым стеклянным дверям. Бросился так отчаянно, словно за ними притаилось Великое решение всех его проблем.

4

Здоровенный вышибала с лицом ещё более круглым, чем у акушерки-луны, безразлично наблюдал, как Гена методично расправился с содержимым первой поллитровки и, кажется, уже вполне был настроен на «общение» со второй бутылкой. Впрочем, спиртное отнюдь не веселило Геннадия, а лишь окрашивала его тоску во всё более тёмные, мрачные тона. Нужен человек, спокойный и молчаливый, который будет слушать да кивать, кивать да слушать. Мутноватый взгляд нашего героя скользнул по лицам немногочисленных посетителей и остановился на странноватом субъекте, попивавшем зелёный чай с сахаром «вприкуску». Одет субъект был в потёртый пиджак и немислимую соломенную шляпу, которую отчего-то не снял с головы, а, напротив, натянул до самых бровей.

5

Геннадий открыл глаза и сразу был вынужден снова зажмуриться, так как яркий полуденный свет наотмашь ударил по глазам.

— Кажется я снова в своём привычном мире — прошептал он пересохшими губами. Сквозь африканские оглушительные ритмы, терзавшие его виски, сквозь этот бешенный стук, постепенно пробивалось чириканье воробьёв, звон трамваев, гудение машин... Одним словом — обычный саундтрек, под который проходит обычный день обычного города. Гена неловко пошарил руками по поверхности, на которой сидел — пальцы коснулись чего-то деревянного. Солнечный свет, на сей раз ласково, по-кошачьи коснулся его сомкнутых век, убедив, наконец, открыть глаза. Наш герой, чувствовавший себя в эту минуту отнюдь не свои двадцать четыре, обнаружил, что сидит на скамейке в сквере. Из кармана измятого плаща выглядывало горлышко недопитой бутылки (отчего-то уже не водки, а мартини). Туфли на ногах отсутствовали. Смирнов сделал над собой отчаянное усилие и попытался вспомнить, чем же закончилось вчерашнее возлияние.

— Ничего не помню, какие-то клочья! А ведь был какой-то разговор. Долгий, философский даже... Но с кем?!

Гена напрягся изо всех сил, но добился только того, что перед его мысленным взглядом в десятый раз уже проплыла, мирно покачиваясь, ненавистная уже соломенная шляпа.

— Почему нет лица? Ладно, чёрт с ним, с лицом! О чём хоть говорили?!

И тут, как бы ниоткуда, то ли – в его напряжённом мозгу, то ли прямо в неподвижном воздухе парка возник голос: «Значит, ты хочешь понять, что они чувствовали, они оба – твоя жена и тот субъект. Хочешь проникнуть в глубины их подсознания, раствориться в нём своей потаённой сущностью... Зачем тебе это нужно, человек? Знай, здесь пахнет смертью!».

Всё. Обрыв, тишина, пустота, одиночество.

6

Нина взяла на работе отгул. Не то, чтобы ей очень хотелось видеть этого парня. Толик... Господи, умереть — не встать, такой жлоб — и Толик. Идиотизм! Впрочем, врать самой себе глупо, ей действительно как-то не хватает его глуповатых комплиментов. К тому же, свидание назначено на три, а сейчас только полдень. Трёх часов как раз хватит на то, чтобы принять ванну, сделать причёску, макияж и выпить кофе. Она потянулась и с кошачьей грацией вынырнула наконец из пышной белизны постели. Освободив своё спелое тридцатилетнее тело от ночной рубашки, женщина по пути в ванную привычно взглянула в зеркало, дабы в очередной раз убедиться в действенности выбранной месяц назад диеты. Но собственное обнажённое изображение всколыхнуло в душе чувства настолько странные, что... Воистину, «пересып» так же вреден, как и «недосып». Скорее в воду! И она быстрее проскользнула в ванную комнату.

Пока ватерлиния в ванне медленно поднималась, Нина методично опрокидывала в воду один за другим пузырьки с различными снадобьями, плавно помешивая образующийся коктейль рукой. Когда к омовению всё было готово, кран внезапно громко затарахтел и начал отчаянно плеваться. И это несмотря на то, что сантехник, пряча в карман финансовое вознаграждение за последний визит, уверял «шо работать будет, как надо».

— Красная сборка! — неожиданно для себя яростно прошипела женщина.

7

Толик гнал, что есть мочи. Какой-то клоун в соломенной шляпе, чудом увернувшийся от его «форда», неуклюже скакнул на тротуар прямо в центр огромной лужи, где и остановился, пристально глядя вслед удаляющейся машине. Толик же, подавив в себе привычное желание дать задний ход и поучить клоуна уму-разуму, продолжал мчаться без оглядки. Время — деньги, розы на заднем сидении вянут, а Нинок — ждёт.

— Ждёт ли? — глупые сомнения вдруг закрались под редкий ёжик волос. — Тьфу ты, совсем плохой стал! Кого ещё ждать-то, придурка-мужа что ли? Это же элементарно, как принципы фон Неймана!

8

Это было странное чувство — Геннадий ощущал себя словно в трёх телах одновременно. То он неуклюже цеплялся за руль, словно в первый раз держал его в руках, то тискал до синевы под ногтями дамскую сумку, вжавшись в кресло рядом с водительским. То он словно видел эту странную картину со стороны — синий «форд», в салоне которого его жена с любовником, мчится по дороге, нелепо мотаясь из стороны в сторону. Воздух разрывают отчаянные сигналы встречных машин, скрип тормозов... Толик перестал цепляться за руль. Он повернулся к Нине и жадно поцеловал её перекошенное ужасом лицо. Геннадию стало тошно, он будто поцеловал сам себя! Затем к отвращению этому примешалось жуткое, и меж тем — невероятно лёгкое чувство полёта. Удар! Всё, конец...

9

77 и Большой Шутник склонились над трупом Геннадия, лежавшем на асфальте, как брошенная кем-то, изломанная кукла. Высоко над ними зияло чёрной дырой распахнутое окно на четвёртом этаже.

— Зачем Вы это сделали?! — почти выкрикнул 77 без тени обычного почтения.

— Ты ещё слишком мало знаешь, чтобы понять мой замысел, юнец. Я лишь хотел продемонстрировать этим существам, которых ты называешь «люди», некоторые вселенские законы, о существовании которых они даже не догадываются. Один из главных — закон цикличности зла. В нашем мире он известен всем ещё до рождения. Чёрные помыслы производят отрицательную энергию, которая, пройдя по кругу, бьёт по своему по своему источнику, уничтожая его. Конечно, обычно круг этот очень велик... Но создавая эту модель, я значительно уменьшил его, и тем ускорил и усилил сам процесс. Благодаря закону цикличности зла сохраняется относительная вселенская гармония. К тому же, 77, этот — Большой Шутник небрежно указал на Геннадия — желал смерти двоим, а ушёл один. Кажется они, твои люди, называют это арифметикой.

— Всё так — голос 77 зазвенел холодным металлом — но есть одно обстоятельство, о котором не знали уже Вы. Уже скоро на срочном собрании Высшего Совета по слежению будет заслушен доклад его тайного члена и резидента. Вы знаете его как 77. Совету будет небезынтересно узнать об одном вопиющем факте — о том, что Вы убили человека. А теперь мне пора. Вам — тоже.

И тут они оба растаяли, как будто их никогда не было на Земле.

Прошло несколько минут, и вдруг повалил снег, белый и пушистый. Но сквозь его густую пелену было видно, как посреди пустынной улицы будто бы ниоткуда возникла старушка в чудаковатой шляпке и старомодном драповом пальто. Старушка взглянула на новый для неё мир поверх очков молодыми пронизательными глазами и заковыляла к «Продуктовому». А снег всё сыпал и сыпал. Такой непривычный для сентября.

Июль, 2003.